Что так же трогательно-юно,
Как ваша бешенная рать?
Вас златокудрая Фортуна
Вела, как мать.

Вы побеждали и любили
Любовь и сабли острие,—
И весело переходили
В небытие!

В этой, прижизненной редакции на один катрен больше: в посмертной редакции первый катрен отсутствует, текст начинается со второго. Не беремся решать, почему Цветаева при доработке сняла первый катрен. Может быть, чтобы сделать текст более гармоничным. Он состоит из трех частей: сперва говорится о генералах вообще, потом — о Тучкове-четвертом, потом снова о генералах вообще. По количеству катренов эти части в прижизненной редакции соотносятся как 6 : 4 : : 3. Когда Цветаева сняла первый катрен, получилась строгая убывающая прогрессия 5 : 4 : 3. Может быть, ее не удовлетворило выражение «движенье головы» в связи с портретом. У поэта могло быть много других соображений, которых нам не угадать.

В посмертной редакции перед катреном «Ах, на гравюре полустертой...» стоит черта, отделяющая его от предыдущего текста. Это не очень понятно. Если первая часть стихотворения отделена от второй, то и вторую следовало бы отделить от третьей; между тем, вторая и третья части не разделены. В данном случае прижизненная редакция более последовательна.

Здесь Цветаева тонко провела различие между обращениями к генералам вообще и к Тучкову-четвертому. Обращаясь к генералам вообще, она пишет «вы» со строчной буквы, а к Тучкову — «Вы» с заглавной буквы. В посмертной редакции это различие сглажено — автором? составителями?

В посмертной редакции стих шестой имеет вид: «На сердце оставляли след», тогда как в прижизненной здесь стоит глагол «вырезали». В прижизненной редакции метафора более зрима, ощутима.

Наконец, есть отличия в пунктуации. В посмертной редакции в шести случаях экспрессия сглажена. Например, снят восклицательный знак в конце стихотворения. И только в двух случаях экспрессия усилена. Например, в конце катрена «И вашу хрупкую фигуру...» точка заменена многоточием.

Принимая, что все эти исправления принадлежат автору, приходим к выводу, что при доработке текста Цветаева сгладила некоторые признаки ранней романтической манеры, которые позже, возможно, сочла чрезмерными: дисгармонию в композиции, метафору «глаза < . . . > на сердце вырезали след», ряд знаков препинания, нагнетающих экспрессию. Уже поэтому нужно было бы давать читателю текст публикации 1915 г., а не тот, который отражает более позднее мироощущение поэта.

Стихотворение «Генералам двенадцатого года» никогда не привлекало специального внимания исследователей. Текст его вроде бы никаких особых загадок не содержит. Принадлежит оно к тому неоромантизму начала века, самым преданным сторонником и глашатаем которого в России была Цветаева. Мы уже обратили внимание на ряд деталей текста; теперь отметим еще некоторые особенности.

Не просто найти предшественницу на первый взгляд естественной строфы, где три стиха четырехстопного ямба замыкаются одним стихом двухстопного ямба. Контраст и асимметрия, когда заключительный стих вдвое короче трех предыдущих — это проявление романтической поэтики на уровне строфической организации. Кроме того, укороченный заключительный стих придает строфе «более определенную метрическую замкнутость» [3, с. 16]. Это свойство строфы тонко использовала Цветаева. В конце строфы «Ах, на гравюре полустертой...»